

Евгений Макеев

**АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ
СЮИТА**

Нелёгкое чтение для развлечения,
адресованное моим дочерям

Евгений Макеев

**Автобиографическая сюита.
Нелёгкое чтение для развлечения,
адресованное моим дочерям**

«Издательские решения»

Макеев Е.

Автобиографическая сюита. Нелёгкое чтение для развлечения,
адресованное моим дочерям / Е. Макеев — «Издательские
решения»,

ISBN 978-5-44-858527-2

В последовательность собственных биографических событий, представленных
легко и иронично, вплетены краткие занимательные истории, связанные
с родными, близкими, знакомыми и случайными людьми.

ISBN 978-5-44-858527-2

© Макеев Е.
© Издательские решения

Содержание

Часть I С незапамятных времён и до совершеннолетия	6
Глава 1. Анжерка	6
Глава 2. Тайга	10
Глава 3. Старый дом	13
Глава 4. Детство в Тайге	14
Глава 5. Первомайка	17
Глава 6. Анна Григорьевна	18
Глава 7. Друзья детства	20
Глава 8. Гитара	23
Глава 9. Школа	25
Глава 10. «Пилигрим»	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Автобиографическая сюита Нелёгкое чтение для развлечения, адресованное моим дочерям

Евгений Макеев

© Евгений Макеев, 2017

ISBN 978-5-4485-8527-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Некоторые люди склонны полагать участие Бога в своём рождении. В моём понимании фактом является лишь похожесть моя внешняя – материальная, видимая – и внутренняя, – невидимая, духовная, – на моих родителей. Видимо, они действительно участвовали в моём появлении на свет. Им я и посвящаю это повествование.

Часть I С незапамятных времён и до совершеннолетия

Глава 1. Анжерка

Ну что ж, и скучно, и сухо, и издалека начну я этот экскурс. Чтобы нетерпеливый читатель поскорее забросил сей недозрелый опус и взял с полки Ильфа и Петрова.

25 февраля 1891 года Божию поспешествующею милостию Император и Самодержец Всероссийский Александр III подписал именной высочайший указ о строительстве Транссибирской железной дороги. Магистраль потянулась на восток от южно-уральского города Миасса и навстречу – на запад, из-под Владивостока, из Куперовской пади, где первую тачку земли отвёз на будущую насыпь цесаревич Николай Александрович, будущий император Николай II.

В стовёрстной полосе вдоль железной дороги попутно велись крупные геологические исследования. В северо-восточной части Кузнецкого бассейна были обнаружены большие запасы угля. Началась промышленная разработка угленосных отложений.

Там в это время и возник маленький разъезд, выросший в станцию Анжерская. Появился посёлок Анжерка на реке Анжера. Рядом – посёлок Судженка, названный переселенцами из Курской губернии, где был город и река Суджа. В 1928 году два посёлка срослись, объединились и в 1931-м постановлением ВЦИК получили статус города.

В шахтёрский город Анжеро-Судженск семейство моего деда Ивана Фёдоровича Янкина попало сразу после войны из ближайшей деревни Венедиктовка, в которую перед самой войной перебралось из села Большие Ари Лукояновского района Горьковской области, из-под города Арзамаса.

Дед Иван родился в большом селе Большие Ари, что образовывало в те времена собственную волость в Лукояновском уезде, в крестьянской семье Фёдора Савельевича и Марфы Панкратьевны Янкиных 8 сентября 1901 года. Был парнем коренастым и основательным, успешно закончил начальную школу. Работы не боялся. Вечерами вместе с остальным сельским молодежком плескался в пруду, что был в самом центре села, и сумерничал на завалинках, вместе со всеми лузгая подсолнечник. Всегда отмечал себе среди девчонок стройную и смешливую Анну Лаврову, которая была ровно на год и три месяца младше его. 24 мая 1923 года они поженились. Отгремела деревенская свадьба, отделились, отстроились. Завели хозяйство. Через год родился первенец – дочь Маруся. Жили как все, рожали и растили детей, зарабатывали в колхозе трудодни, не замечая бегущих зим и лет. Но колхозная жизнь не давала ни сытости, ни дохода крестьянской семье. А семья Ивана и Анны к концу предвоенного 1940 года уже была не маленькой – пятеро детей, мал мала меньше. Решили сорваться с места в богатую землёй и работой Сибирь.

Был у Ивана младший брат Пётр. Он тоже решил податься в другие места на поиски счастливой доли. Но Пётр направился в сторону столицы. В детстве я однажды побывал с мамой у него в гостях, в подмосковной деревне Зайцево. Место было сказочной красоты. Деревенские домики полукругом прилепились к удивительному водоёму, который состоял из небольшого главного озера и нескольких совсем крошечных, размерами с теннисный стол, озерца, связанных между собой где-то под землёй. Это я так решил, что они составляют одно целое, потому что и в большом озере, и в маленьких водились совершенно одинаковые пёстрые и плотные, как сосиски, бычки. И водоросли были такие же, и вода того же цвета. Уже через полчаса после приезда я с удочкой проверял там клёв. А деда Пети дома ещё не было, он пас местное стадо, и должен был вскоре спуститься с лесистого пригорка, что с восточной стороны вплотную подкрадывался к озеру. Мама сказала мне: «Ты сразу его узнаешь, у него на всё одна

присказка – «сердце моё ретиво». Время близилось к сумеркам, я вытащил уже нескольких бычков. И тут послышался треск на вершине пригорка. Невысокий ладный мужичок, копия моего деда Ивана, в кепке и кирзачах, поскользнувшись на влажной траве и проехав на брюках пару метров пригорка, ухватился за куст и, чертыхаясь и кряхтя, осторожно приподнимался на склоне. «Так твою мать! Сердце моё ретиво!» – услышал я долгожданный пароль.

И в Больших Арях мы с мамой побывали. Там я познакомился с родной сестрой бабушки, похожей на неё как две капли воды. И искупался в том самом сельском старом пруду, на который прилетел мухой после того, как жердь забора под моими ногами отвалилась – тянулся за черешней в саду – и я с размаху голой спиной опрокинулся в крапиву.

Но вернёмся в 1941-й год.

Семейство Ивана Янкина в конце пути оказалось в деревне Венедиктовка, недалеко от Анжерки, как все называли станцию и город Анжеро-Судженск. Но обустроиться, как следует, не успели. Война. В неполные свои сорок отец большого семейства был мобилизован дать отпор фашиствующей неметчине, что вероломно вторглась в наши земли. Анна слёз удержать не могла, и дети, глядя на неё, подвывали, когда Иван перевалился через борт полуторки после прощания у сельсовета. Он прошёл всю войну от начала и до конца, несколько раз был ранен, но всё-таки вернулся живым.

Иван Фёдорович пришёл с войны с медалями, с плохо поднимающейся рукой, и со стойким умеренным алкоголизмом. Эта война, Вторая Мировая, больше у нас известная как Великая Отечественная, была великолепно и талантливо организованной величайшими в истории человечества серийными убийцами Гитлером и Сталиным кровавой бойней. Десятки миллионов человеческих жизней были брошены на алтарь непомерных амбиций тщеславия и вседозволенности двух людоедов. Но моему деду Ивану посчастливилось вернуться с той войны.

Пока он воевал, вытянулись на тюре и картошке дети. Драники, любимые во многих семьях, которые сейчас и у моих детей считаются за лакомство, наряду с другой простейшей картофельной едой настолько обрыдли людям за долгие годы войны, что в ходу были даже куплеты, которые, однако, опасались исполнять при чужих, памятуя о длинных руках НКВД.

Тошнотики, тошнотики —

Советские блины.

Продам я вам тошнотики —

Куплю себе штаны.

Детей надо было кормить, поднимать. Но работником на сельской ниве глава семейства теперь уже был никаким. Поселились в Анжерке. Иван Фёдорович получил инвалидность, нанялся сторожем. А ещё всей неграмотной округе помогал составлять заявления, жалобы и прошения.

Моя мама была младшим ребёнком в семье. Бабушка звала её Наськой, остальные – Тасей. На самом деле была она Анастасией. А старшей была Манька. Мне она, стало быть, приходилась тётей Марусей. За ней шли по возрасту братья Лёнька, Санька и Витька, то есть Алексей, Александр и Виктор. Ещё два ребёнка, как мне вспоминается из рассказов мамы, умерли в младенчестве.

Бабушка Анна Дементьевна занималась хозяйством и детьми, Иван Фёдорович сторожил советские учреждения. По дороге с работы домой дед Иван успевал изрядно принять на грудь. Жизнь была однообразна и тяжела. А третьесортное пойло, называвшееся вином, при советской власти всегда было более-менее доступным лекарством от однообразия и беспросветности. Однако от выпивки дед добрее не становился, лишь притуплял остроту восприятия действительности. Дома матюгами и подручными предметами быта гонял жену и детей. До тех пор, пока сыновья по демобилизации со срочной армейской службы не поставили его на место.

А гонять тогда было где. Хозяйство было довольно обширным. Семья занимала полдома, состоящего из сеней, кухни с печью, холодной кладовки и большой жилой комнаты. Задний угол дома со стороны кладовки был под кровлю засыпан землёй. Там был устроен «верхний огород» примерно в одну сотку, на который вела земляная с дощатыми ступенями лестница вдоль внешней стены сеней. Посему в кладовке даже жарким летом стоял нешуточный холод.

Перед домом был дворик с небольшим аккуратным сараем под инструмент. Дворик ограничивался забором с воротцами и калиткой. За забором, через неширокую проезжую накатанную дорожку, тянущуюся вдоль улочки с шахтёрскими домиками, был ещё забор с калиткой. За ним был уже большой, соток десять, огород, взбирающийся по насыпи к шоссе, ведущему от железнодорожного вокзала к центру города.

Так и жили.

Пришло время, повзрослевшие дети один за другим начали покидать стариков. Моя мама – Наська – последней перебралась в ближайший город Тайгу, в котором был железнодорожный техникум. Там уже обустроились старшая сестра с мужем Прокопом Фомичём и детьми Галей и Володей. В Тайгинском техникуме, в котором преподавал сопромат и механику Прокоп Фомич, моя мама познакомилась с моим отцом и вышла замуж.

Мы с мамой, приезжая изредка в Анжерку, шли от вокзала не по шоссе, а напрямки через старое кладбище. Мама иногда что-нибудь вспоминала из своего детства в связи с кладбищем, какие-то жуткие истории. Когда мы проходили через него, я, забывая про всё, глазел по сторонам. Замшелые плиты, провалившиеся могильные холмики, покосившиеся окрашенные в синее кресты, облупившиеся серебряные с красными звёздочками обелиски...

Дед набирал мне малины на большом огороде в алюминиевую солдатскую кружку. Приносил мне на кухню. Насыпал малину в миску, заливал молоком и выдавал свою фронтovou оловянную ложку, стебель которой был отлит в виде голой бабы. На поверхность молока вместе с малиной всплывали и белые червячки. Дед помогал мне собрать их ложкой, приговаривая: «Это не те червяки, которые нас едят. Это те, которых мы едим».

Обстановка кухни была простой. Железная кровать у общей с сенями стены, стол у окна, две скамьи углом и стул. Печь с чугунной плитой и с полкой под потолком была частью общей с жилой комнатой стены. А у простенка напротив окна стоял большой сундук рядом с дверью в холодную кладовку.

Первым делом после малины обычно я проверял жилую комнату, в которой находились большая железная кровать с периной и подушками одна на другой, ещё один сундук поприличней, комод и стол со стульями. На стенах старые фотографии в рамках под стеклом. Как обычно – ничего для меня интересного. Потом я забредал помёрзнуть чуток в кладовку с полками, банками и кадушками и выходил во двор. Обследовал сарай, перещупывал инструмент, включал шахтёрский наголовный фонарик с аккумулятором в подсумке. Затем поднимался в «верхний» огородик попробовать фиолетового шершавого крыжовника.

И, конечно, заглядывал на чердак, дверца которого была вровень с верхним огородом. На этом чердаке когда-то запирались от разбушевавшегося пьяного деда моя мама, баба Аня и маленькая Галка, дочь тёти Маруси. А в первый мой приезд в Анжерку баба Аня посоветовала мне вздремнуть на сене, покрывающем пол чердака. Я поднялся по ступеням в огород, повернул щеколду дверцы и, вдохнув пряный аромат сена, повалился на него. Но, едва закрыв глаза, ощутил тут же под собой какое-то шуршание и шевеление. Я подпрыгнул на месте, разгрёб подстилку и увидел сонм букашек, мокриц, многоножек разных видов, которые по-бродуновски шуршали каждая по своим делам. От этого зрелища по коже моей также дружно забегали «мурашки». Это навсегда отбило охоту у городского парнишки «подремать на сене».

А больше мне об Анжерке и вспомнить нечего.

Был ещё, правда, один момент, когда я, уже старшеклассник, воспользовался случаем подшутить над бабушкой. Мы с мамой приехали как-то утром из Тайги, но бабу Аню дома

не застали. Деда к тому времени уже не было – умер. Соседка по дому, тётя Граша, маленькая добродушная старушка-хохлушка, сказала, что бабушка торгует на рынке. Мы отправились на рынок поглядеть на эту картинку, – я и не знал, что такое возможно. Баба Аня стояла среди других таких же старушек в беленьких косынках за длинным столом-прилавком. Перед ней лежал нехитрый товар – связанные ею носки и коврики. Мама осталась в сторонке, а я подошёл прицениться. Бабушка меня, как обычно, не узнала. Внуков было много. Видела она их редко. И позже, каждый раз, когда я приезжал к ней один, без матери, она теряла главный ориентир, и, чувствуя определённую родственную со мной связь, пыталась угадать моё имя и понять, кому из её детей я прихожусь сыном.

– Вовка?.. Лёшка? Витька?.. – перечисляла она в нерешительности, застенчиво улыбаясь.

– Женька. Наськин. – подсказывал я ей, теряя терпение.

– Иконсамуправда! – восклицала она. Позже я расшифровал это волшебное бабушкино слово. Оно означало: икону сниму – правда! То есть, сниму икону в подтверждение этого.

И в этот раз она постепенно в покупателе, одетом по-городскому, какие-то начала находить знакомые, родственные черты. Заулыбалась. Подошла мама. Мы сложили товар в сумку и, выслушивая бабушкины провинциальные новости, неторопливо пошли вдоль шоссе.

Потом, через некоторое время, тётя Маруся перевезла её в Тайгу, поближе к себе. А в середине 90-х, когда у меня появился УАЗик, полученный вместо зарплаты отцом на заводе, мы с мамой забрали её с несколькими узлами пожитков к себе в Новосибирск.

Глава 2. Тайга

Полотно железной дороги, которую в конце 19 века тянули через всю матушку Россию, пролегалo южнее ссыльного города-острога Томска. И к нему решено было проложить ветку-отросток железнодорожного пути. В точке ответвления и возник ещё один разъезд – станция Тайга.

Местность была болотистая, переходящая к северу и на восток в непролазную тайгу. Пришлось строителям заниматься осушением площадки под станцию. Появились перроны, дощатый вокзал, депо, мастерские, первые домики поселения рабочих станции. Так на ровном болотистом месте постепенно возник город Тайга. Очень меня удивляли и занимали в детстве дощатые тротуары и перекрытые поперёк смолистыми шпалами каналы, под которыми таинственно журчала вода.

Здесь я и родился. И хоть в первый же год моей жизни семья перебралась к месту распределения моих родителей, молодых специалистов-железнодорожников, на станцию Инская в город Новосибирск, часть лета, а затем и почти все осеннее-зимне-весенние каникулы я проводил в Тайге.

В начале августа тайгинцы уже начинали бить шишку, кедрач – сразу за городом. Шишка варилась, приобретая глубокий тёмно-лиловый цвет, и продавалась по 3 и 5 копеек за штуку. Первая шишка ещё не содержала зёрен – в нежной скорлупе расщёлкивалось едва завязшее кедровое молочко. Но уже к середине августа шишка созревала окончательно.

Надо ли говорить, что вся тайгинская детвора непрерывно лузгала этот бесценный дар леса?

– Эй, иди сюда! – борзая компания по-воробыному оккупировала тяжёлую лавочку со спинкой. Я подошёл.

– Дай шишку! – я отдал.

– С фазанки?

В тайгинское фабрично-заводское училище приезжали учиться подростки с окрестных деревень и станций. Местные гоняли, как водится, ФЗУшников.

– Не-а.

– Откуда?

– Я у бабушки живу. В гости приехал.

Компания тут же потеряла ко мне всякий интерес. Остановили на всякий случай, хоть и одежда моя выдавала во мне скорее жителя большого города. Но бдительность – прежде всего.

– На шишку, – мне вернули мою собственность. – Давай двигай, куда шёл.

Я двинул.

Поскольку станция Тайга возникла на безлюдном месте, все жители были людьми пришлыми. Некогда появились там и мои дед с бабушкой, родители моего отца. Каким ветром их туда занесло?

Бабушкина история такая.

В 15—16 веках во времена Речи Посполитой, что была федерацией Королевства Польского и Великого Княжества Литовского, прячась то ли от баталий, смуты и притеснений, то ли от устоев заполняющей государство католической церкви, появились переселенцы в болотах близ села Бешенковичи, что под городом Витебском. На речке Свечанке образовались совсем рядом две деревни – польская Свеча (ударение на первый слог) и литовская Литвяки. В Свече обитали польские и белорусские семьи, в Литвяках – литовские, ну и смешанные – там и там.

После третьего раздела Речи Посполитой по Конвенции 24 октября 1795 года эти земли, находящиеся восточнее рек Буг и Неман, отошли к Российской Империи.

Прадед мой, белорус Николай Ковалевский (судя по фамилии, тоже не совсем белорус) с прабабушкой полькой Варварой и детьми жили в Свече. Николай был шорником, тачал лошадиную упряжь и нехитрую кожаную обувь для селян, занятых по большей части земледелием. С 1909 по 1918 годы родилось у Николая и Варвары три дочери и сын – Люся, Поля, Серёжа и Вера. Моя бабушка Вера была самой младшей. Родилась она на Покров – 14 октября 1918 года.

В соседних Литвяках обитало литовско-белорусское семейство Матусов, происходящее из литовских Матисов. И был в нём гарный хлопец Трофим. И полюбил он Людмилу Ковалевскую, а она – его. Поженились. На их беду Трофим был активной комсом, секретарём деревенской комсомолки (ВЛКСМ – это всесоюзный ленинский коммунистический союз молодёжи). И, надо сказать, что в 1924 году, после смерти В.И. Ульянова (Ленина), почившего от непомерных идеологических нагрузок на вялый мозг потомственного интеллигента, что-то в общественной жизни Свеч-Литвяков пошло не по-ленински. А как по-другому оно у нас могло пойти по кончине властителя? Активисты, те, что посовестливей, взроптали.

– Трошка, тикать тебе надо, – обдавая горячим дыханием, заявил председательский сын, вызвав Трофима условленным стуком в ставню в одну из тревожных звёздных ночей белорусского лета.

– Чего так?

– Бате в чеке сказали. Он только что из Бешенковичей. Завтра за тобой прикатят.

Этой же ночью телега с Трофимом, Люсей и несколькими узлами пожитков отправилась в далёкий путь. Этот путь в конце концов привёл их сначала в город Топки на Кузбассе, а затем в конечную точку – на станцию Инская в Новосибирск. Постепенно и остальные дети Ковалевских переехали сюда же. Последней под крыло старшей сестры перебралась моя бабушка Вера.

Теперь про деда.

25 ноября 1913 года в деревне Пантазиевка Светлопольской волости Александрийского уезда Херсонской губернии в семье коннозаводчика дворянина Ивана Ипполитовича Макеева и жены его, дочери сельского врача, Евгении Иосифовны, родился сын Алексей. О чём причтом священником Архангела Михайловской церкви села Пантазиевка Стефаном Ковальским была выдана выпись за №157, зафиксированная подписью и приложением печати. Восприимниками новорождённого были отмечены брат Ивана гражданский инженер, потомственный почётный гражданин Василий Ипполитович и сестра, потомственная дворянка Вера Ипполитовна Белицкая, следы которой впоследствии затерялись во Франции.

Иван Ипполитович был образцом русского дворянства. Имел за плечами образование, полученное в Киевском сельскохозяйственном институте. Имел талант и навыки музицирования. В 1-ю Мировую войну получил ранение, служа Отечеству в качестве артиллерийского офицера (в чём позже будет замечен и его правнук, – не в ранении, а в служении Родине в том же качестве). До революции 1917 года он был управляющим в имении великого русского писателя графа Льва Николаевича Толстого.

После революции, скрывая происхождение и прошлое, работал служащим гос. учреждений до самой своей смерти в 1934 году в Акмолинске (с 1961 г. – Целиноград, с 1992г. – Акмола, с 1998 г. – Астана).

Сын его, Алексей, мой дед, в 1931 году окончил 7-летнюю школу, полтора года проработал художником (поскольку талантлив был и охоч) в Акмолинском городском театре. В 1933 году поступил в Омский строительный техникум, окончил в 37-м году, и был направлен на Томскую железную дорогу. В 39-м, как специалист, допустивший несчастный случай на производстве, был осуждён нарсудом на полтора года исправительных работ, которые отбыл на особой стройке №213 НКВД (народный комиссариат внутренних дел), работая подземным горнорабочим на одной из шахт Кузбасса. В 40-м, искупив вину, оказался в Новосибирске строителем на железной дороге.

Здесь же, в Н-ске, ещё перед посадкой, в 38-м, он и познакомился с белорусско-польской красавицей Верой Ковалевской.

Вера со старшей сестрой Люсей окончили курсы телеграфисток и работали на телефонной станции. По вечерам играли в волейбол на стадионе, который находился по улице Эйхе там, где впоследствии построили узловую больницу станции Инская. Алексей увлекался футболом, защищал ворота профсоюзной команды. Они не могли не заметить друг друга. Поженились в 38-м. Бабушка оставила себе фамилию Ковалевская. А 11 апреля 1939 года у них родился сын Алексей, мой отец.

Дед получал новые направления и должности. Семья путешествовала по маршруту Новосибирск – Белово – Инская – Рубцовка – Барнаул – Топки. И в 1950 году оказалась наконец в городе Тайга. Здесь в 1967 году карьера деда достигла вершины – он проработал главным архитектором города по 1980 год и ушёл на пенсию. Был членом КПСС (коммунистическая партия советского союза) с 1947 года до самого её краха, случившегося в результате горбачёвской «перестройки и гласности».

Отец мой, Алексей Алексеевич, окончил тайгинскую школу №160 в 1957 году. Уже в школе проявлял доставшийся по наследству талант художника. Рисовал стенгазеты, оформлял стенды, витрины, праздничные колонны (те, что шли с криками «ура» в праздники по главной улице города). Два года отец мужал, вкушая самостоятельной трудовой жизни, и ухаживал за местными девчонками. Он работал штукатуром, плотником и бетонщиком в комплексной строительной бригаде, само собой – борющейся за право называться бригадой коммунистического труда. Тогда было принято за это самое бороться. Но скорее всего этого права для своей бригады он так и не дождался. Потому что в 1959 году поступил в Тайгинский техникум железнодорожного транспорта, в котором с 58-го года уже училась моя мама Янкина Анастасия Ивановна. Там голубочки спелись и через год поженились.

Поначалу сноха из крестьян была встречена в семье Макеевых прохладно. Но к окончанию техникума в феврале 61-го мама была уже беременна мной. Настроения изменились. В 62-м закончил техникум и молодой отец. Семья получила распределение в энерго-участок станции Инская и отправилась в Новосибирск.

Я же родился 29 июля 1961 года в горбольнице города Тайги в 00 часов 10 минут. Ночь была, помню, тёмная, пасмурная. Моросил мелкий грибной дождик, предвещаая скорое наступление последнего летнего месяца.

Изложенное выше – это всё, что я знаю о своих предках. Хотелось бы, чтоб и дочери и их дети, и так далее, хотя бы приблизительно представляли себе, кто, что и как было до них. Свои «корни» желательно знать, чтобы чувствовать связь времён и преемственность поколений. Память жива, пока есть, кому помнить.

Дальнейшее будет изложено больше для себя самого. О себе, об окружавших меня родных, близких, друзьях, товарищах, приятелях, знакомых и прохожих. Как говорили учителя – для факультативного чтения.

Глава 3. Старый дом

Через несколько дней из Тайгинской горбольницы родители доставили меня в двухкомнатную квартиру на улице Привокзальная. Улица состояла из четырёх одноэтажных брусчатых четырёхквартирных домов с садами в сторону железнодорожных путей, до которых от ограды было едва ли более пяти метров. С двором, с сараями и огородами в другую сторону. Отдельные входы в каждую из квартир были со двора.

Когда-то, на заре обустройства станции, эти «коттеджи» были элитными, в них проживало всё начальство. В них на закрытых междусобойчиках поддавший партактив негромко критиковал руководство и политику КПСС. К моменту моего рождения в городе уже было достаточно благоустроенного кирпичного жилья, но начальство не спешило расставаться с насиженными местами, одновременно саботируя и интерпретируя по-своему номенклатурную политику партии.

В домах была канализация, сообщающаяся с находившимися во дворе двумя выгребными ямами-колодцами с большими квадратными деревянными крышками. Когда я с любопытством заглядывал в эти ямы во время откачки содержимого, они казались мне бездонными, тем более, что никогда не выбирались одной машиной до самого дна. На крышках ям местная ребятня устраивала игры, посиделки, ремонт велосипедов и мопедов. Здесь же мы с дедом перебирали двигатель его «козла» М1М, копии немецкого довоенного мотоцикла DKWRT-125 дизайнера Германа Вебера. В сараях держали кур и кроликов, в огородах растили овощи.

В квартирах были входные сенки. В кухнях оставались ещё печи. Окна больших комнат квартир смотрели в южную сторону, прямо на железнодорожные пути. По ним сновали туда-сюда круглые сутки паровозы, отдуваясь паром и выбрасывая вверх облака дыма. В солнечный день игра света в комнате была бесконечной и хаотичной, – солнечные лучи то и дело скрывались за дымом, паром и корпусами огромных железных чёрных исполинов. Звуки паровой машины: разгоняющееся и замедляющееся «чух-чух-чух», отдающийся эхом вдоль по вагонам удар сцепки, лязг железа, уханье шпал под нагруженными рельсами, крики сцепщиков и машинистов, – эта музыка за окном была непрерывной, заметно прореживаясь лишь в ночные часы.

Окна всего дома на ночь запирались ставнями. В сумерках мы с дедом исполняли ежевечерний ритуал. Взбирались на заваленку – наполненный шлаком высокий деревянный короб по всей длине стен дома на цоколе – и одни за другими закрывали ставни. При этом я, не теряя деда из вида, всё время оглядывался на таинственную темноту сада, опасаясь возможных неприятностей.

Это был волшебный дом моего раннего тайгинского детства, в котором я и оказался сразу после моего рождения

Однажды, много лет спустя, приехав на машине с женой и детьми в свой родной город, я не обнаружил ни своего старого дома, ни маленькой улицы Привокзальная. На этом месте на насыпи из щебня стояли ровные ряды капитальных гаражей. Ни сада, ни двора, ни огорода. Только железнодорожные пути оставались на месте. Правда, просмоленные их шпалы были заменены на изящные железобетонные. Но это спустя четверть века после моего последнего посещения Тайги. Большой срок для города и человека.

А тогда, сразу после моего рождения, меня встретил утопающий в зелени уютный мирок с крылечком и ставнями. Тогда в квартире обитали мама с папой, бабушка с дедом, прабабушка Евгения Иосифовна – баба Женя, и немецкая овчарка Рекс. Рексу дозволили в первую же минуту удовлетворить его собачье любопытство – обнюхать младенца, нового жителя. Пёс лизнул меня в лицо, завил хвостом и отошёл в сторону. Я был благополучно принят в общество.

Глава 4. Детство в Тайге

Спустя год мы переехали на Первомайку в Новосибирск. В Тайге я бывал наездами в один из летних месяцев и в недели зимних, весенних или осенних каникул. Любая встреча с родным городом была желанна.

Частенько ходил с бабой Верой в детскую библиотеку, которой она до самой пенсии заведовала. Собираясь на работу, моя молодая ещё бабушка садилась за круглый стол около пальмы у окна, ставила перед собой зеркало, закуривала папиросу «Беломорканал» и наводила красоту – красила губы яркой красной помадой, подводила глаза карандашом, тушью удлиняла ресницы. А я украдкой наблюдал за этим занимательным процессом с дерматинового дивана. Это изделие мебельной промышленности постреволюционного периода обладало высоченной вертикальной спинкой и двумя жёсткими валиками-подлокотниками, а в самом верху было увенчано узким горизонтально встроенным зеркалом и полками по его бокам.

Потом мы с неотразимой красавицей-бабушкой шли мимо вокзала через мост над путями в тогдашний деловой центр города.

В библиотеке я строил из книг дороги, мосты и гаражи для оранжевой пластмассовой легковушки. Позже рассматривал картинки в книжках. Ещё позже, когда со мной была уже младшая сестра, читал. Иногда прогуливался по округе, шёл в горисполком к деду. Деревянное двухэтажное здание горисполкома было через дорогу от библиотеки. Помню большой канцелярский стол с тумбами, обитый зелёным сукном, чернильницу, неизменные для всех казённых кабинетов того времени графин с водой и противогаз в одном из ящиков стола.

Уже подростками с другом Сашкой, мама которого, тётя Люба, работала вместе с бабушкой библиотекарем, обшарили всю Тайгу. Дразнили цыган, раскинувших шатры в скверике позади вокзала, недалеко от лестницы переходного моста. Сашка кричал им что-нибудь обидное (я таких слов местного фольклора не знал) с почтительного расстояния, и цыганята срывались в погоню. Мы дворами и огородами улепётывали от них. Простая русская забава.

Часто играл один около дома, в саду и на ближайших путях в стоящих на отстое вагонах. Мастерил луки и самострелы. Представлял то индейцев, то «бледнолицых».

Подростком, втайне от деда, пока тот был на службе, выводил из сарая мотоцикл и гонял по городу. Выезжал через дворы на окраинные улицы. Однажды был остановлен возмущённым тархтением моего «козла» собачником. Резко затормозил от неожиданности в узком проезде чужого двора между домами, когда перед мотоциклом внезапно выскочили две огромные овчарки на привязи. Мужик-собачник не стал вести долгих воспитательных бесед, просто выдернул ключ из приборного щитка сверху на фаре. Пришлось отконвоировать «козла» обратно в сарай и наврать вечером деду, что якобы ключ я выронил из кармана в траву, когда крутился на перекладинах громадной лестницы, в саду приставленной к крыше дома. Весь вечер до темноты мы с дедом ковырялись в траве под лестницей, но почему-то ничего не нашли. Пришлось деду заказывать изготовление дубликата ключа, благо в городе был ещё один такой мотоцикл.

Но и надо мной, бывало, нехорошо подшучивали. Несколько раз в детстве отец мастерил для меня из дерева копии немецких автоматов. Красил в чёрный цвет и покрывал лаком. Получалось неотразимо – отец этот металлолом в детстве не раз держал в руках. На такие игрушки глазёнки у пацанов всегда воодушевлённо горели. И вот однажды перед поездкой в Тайгу отец поведал мне байку о том, что после войны они воровали «шмайсеры» с эшелонов, которые везли военный мусор на переплавку. И будто бы пара таких штук могла сохраниться в углу сарая под остатками угля. Этого сообщения было вполне достаточно, чтобы по приезду в Тайгу я под благовидным предлогом расчистил весь сарай от мусора, перекопал весь уголь

в углу и остальной земляной пол. Ничего, конечно, не нашёл. Да и не мог найти, как понял значительно позже.

Частенько ходили в лес за грибами – за подосиновиками и подберёзовиками. Рано утром садились в местный поезд, состоящий из паровоза и нескольких старинных вагонов дореволюционного производства, доезжали до станции Мазалово, заходили в тайгу и шли пешком по лесу обратно в сторону города. Сестра Таня была ещё очень маленькой, грибов не замечала и обижалась, что все остальные их находят, а она не может. Когда видела, что кто-нибудь срывает очередной красавец-подосиновик на толстой шершавой белёсой ноге с яркой алой шляпой, щёчки её надувались, глазки хмурились, нижняя губка выпячивалась, налезая на верхнюю. Вот-вот заплачет. Мне становилось жалко сестрёнку. Я, заметив особенно выдающийся гриб где-нибудь в траве по краю солнечной поляны, частенько как бы случайно подводил-подталкивал её к этому месту, намеренно отводя свой взгляд в другую сторону, пока она не обнаружит красавца. А потом удивлялся и восторгался вместе с ней. Но актёром был никудышним. Пришло время, и однажды она раскусила мои хитрости.

Как-то раз в лесу нечаянно вступил в неравный бой и серьёзно пострадал. Наткнулся на высокий пенёк с множеством отверстий. И так как не раз видел в тайге подобные муравейники, решил, что в пне живут муравьи, – только большие, потому что дырочки были больше обычных. И с возгласом «Баб, смотри какой муравейник я нашёл!», – а бабушка была в метрах десяти от меня – мы всё время в лесу перекликались, – я со всей силы пнул в пенёк. Тут же в отверстиях показались жильцы, послышалось грозное «ж-ж-ж», и меня атаковали огромные осы. Я успел только повернуться и сделать несколько шагов, бросаясь в бурелом. Несколько сильных ударов в голову сбили меня с ног, а может я ещё и запнулся. Потом «ж-ж-ж» ещё с полминуты прозвенело надо мной, и воцарилась тишина. Ну, конечно, жжение, боль, слёзы-сопли. До самой ночи, уже дома, я время от времени с осторожностью ощупывал совершенно квадратную, ноющую со всех сторон голову на своих плечах. Ну и все меня жалели, конечно. Ну и дед купил крем-соды и заварных пирожных в качестве компенсации.

Иногда пятничными вечерами собиралась в квартире изысканная компания представительниц тайгинской интеллигенции, приятельниц, служащих горисполкома, для игры в «бб». А я был не просто рад весёлой компании, ещё и оказывался совершенно необходимым её участником – посыльным за следующей бутылочкой водки или коньяка. Сам от горшка два вершка, я сообщал продавщице ближайшего магазина на улице Кирова пароль «для Веры Николаевны» и гордый добычей возвращался к алчущей братии. Позже и сам научился игре. А много позже, в студенчестве, в общаге «подсел» на преферанс и никогда больше не возвращался к более «народным» карточным играм.

Дед с бабушкой были и моими первыми учителями и партнёрами по шахматам, оба играли прекрасно, как, впрочем, и отец. Только дед очень долго думал над ходами, а бабушка всё норовила мне поддаться.

Вечерами перед сном, когда я был ещё совсем маленьким, бабушка читала мне «Урфина Джюса» и «Семь подземных королей» Александра Волкова. Отряды урфиновских деревянных солдат и добрейшие шестипалые животные из сказочного подземелья потом оживали в моих снах. А ещё, когда я засыпал рядом в кровати, ковыряя при этом бабушкину родинку на шее, она рассказывала мне частенько сказку собственного сочинения. Особенно я любил её слушать поздними зимними вечерами, когда в ставнях завывала вьюга.

Бабушкина Сказка.

Жили были дедушка с бабушкой и собачкой Жучкой. Зима была долгая, и закончились у них дрова. Собрался дедушка в лес. Запряг в сани коня Савраску и покатил.

Пока рубил он дрова, повалил снег, и началась метель. И засыпало снегом, замело метелью и дедушку, и дрова, и Савраску с санями. Долго ждала дома бабушка. Потом догадалась – что-то случилось с дедушкой. Выпустила она Жучку со двора, и собачка побежала в лес. Уню-

хала след и нашла пропавших. Метель к тому времени утихла. Там, где видна была верхушка дедушкиной шапки-ушанки, Жучка начала лапами разгребать снег. И раскопала дедушку. Вместе они освободили Савраску с санями и дровами. И все вместе вернулись домой. Очень обрадовались дедушка и бабушка друг другу. Растопили печь, согрелись, накормили спасительницу Жучку и коня Савраску. И стали жить-поживать и добра наживать.

Тут и сказке конец.

Глава 5. Первомайка

На станции Инская, в Первомайском районе города Новосибирска, родители сняли полдома на «стодомиков». Это такое местечко, по другую сторону железной дороги от центральной части района, где отдельно расположились поселением частные, – свои, как у нас говорят, – деревянные с печным отоплением дома.

Там и прожили первый год. «Стодомики» прилепились за переходным мостом через железнодорожные пути слева от бора. Через этот мост таскала и возила меня мама в санях и коляске в двухэтажные кирпичные ясли на улочку Победителей. А через год железная дорога выделила семье молодых специалистов комнату в коммунальной квартире на улице имени Эрнста Тельмана, лидера немецких коммунистов, одного из главных политических противников Гитлера, погибшего в концентрационном лагере Бухенвальд 18 августа 1944 года. Эта улица в самом центре Первомайского района начинается от ворот «Парка Культуры и Отдыха» и спускается к реке Иня.

Центральная часть района, или Первомайка, как все её в городе называют, вытянулась на десяток километров между рекой Иня и железной дорогой – локомотивным, вагонным депо и «парком» из двух десятков путей и двух разборных «горок», заполненных формирующимися для отправки вагонными составами. Сразу за «парком» начинается огромный сосновый бор, в котором, когда ещё не было мобильных телефонов, бывало, всем миром искали заблудившихся детей.

Комната была в трёхкомнатной квартире трёхэтажного дома с тремя подъездами. К слову, в восемнадцати коммунальных квартирах дома в то время обитали двадцать четыре бабушки, каждая из которых норовила устроить во дворе лавочку или клумбу, чем сильно ограничивала свободу наших игр и перемещений.

Несущие стены дома, построенного в 1930 году, были кирпичными, остальные – оштукатуренные деревянные, перекрытия – тоже деревянные. На кухнях были печи с чугунными двухконфорочными плитами и железными духовками. На этом месте в нашей кухне не так давно встал сооружённый с помощью приятеля Кости камин с фигурной чугунной панелью обрамления топки, когда-то на электровозоремонтном заводе отлитой в форму по собственным эскизам моим отцом.

Глава 6. Анна Григорьевна

И почему она попала в отдельную главу? Ну а кто ещё о ней напишет? Кто, если не я? Никто и никогда.

В квартире кроме нас в своих комнатах проживали две одинокие бабушки-старушки. Одну маленькую, аккуратную и незаметную бабушку не помню, хотя и прятался в её комнате за стопкой чемоданов. Помню только, как блестели в сумраке комнаты её очки. И куда она вскоре подевалась, оставив нам смежную с нашей большой свою комнату, прояснить уже некому.

Вторую, Анну Григорьевну, запомнил хорошо, как часть моего детства. Сосед Юрка называл её «буржуа», говорил, что у неё есть большой серебряный со вставками зелёного стекла крест, и потому надо её «раскулачить». Себя и остальных пацанов он, видимо, считал пролетариатом. За глаза звали мы её Аннушкой, – и дети, и взрослые. Она любила порассказывать зазевавшимся случайным слушателям о своей жизни. О том, что папа её был капитаном корабля, что она бывала в Финляндии, где квартиры без замков, что все её очень любят и уважают. Она и на самом деле производила впечатление холёной и образованной барыни из «бывших», то есть тех, кто до революции были «белой костью», высокородной элитой. Называла нас с лёгкой издёвкой «хозяевами», – после революции хозяевами жизни в России, видимо, по её мнению, стали такие, как мы – беспородные, необразованные и бескультурные. Воскликнула с ироничным восторгом, намеренно «проглатывая» букву «е»: «Хозява пришли!», когда мы с сестрой заявлялись со школы. Матерщины она не понимала. И, когда во дворе около скамейки, на которой она читала газеты, останавливался в поисках собеседника поддавший пролетарий и начинал ей сообщать свою правду жизни на матерном диалекте, она, обращаясь в сторону, как бы к воображаемым свидетелям, бормотала: «Что он говорит? Я не понимаю. Ничего не понимаю».

Так как прожила она в нашей квартире всё время моего детства, то, конечно, успела вкусить все прелести соседства с деятельным не в меру сорванцом. Я несколько раз, – нечаянно, конечно, – покушался на её драгоценную жизнь. Всего и не упомнишь. Вот, например, однажды пинком открыл дверь туалета, так как увидел, что дверь не закрыта на защёлку изнутри. И дверь просвистела в миллиметрах от одуванчиковой головы старушки, поднимающейся с унитаза. Просто забыла закрыться. Или однажды, – так уж вышло, – хорошенько взёмом ступни приложился футбольным мячом в тот момент, когда Аннушка внезапно распахнула дверь подъезда с намерением выйти во двор. Мяч смачно саданул по косяку рядом с её головой. А мячи тогда были у нас настоящие, из свиной кожи с тканевой подкладкой, с выпирающим соском камеры, уложенным под толстой кожаной шнуровкой. Этот мяч, недавно подаренный мне на день рождения родителями, весил с полкило. Если б я ударил поточнее... Или ещё такой случай. Родственник моего друга Женьки заведовал где-то спортивным инвентарём и однажды подарил нам по настоящей четырёхгранной спортивной рапире. Моя до сих пор у меня хранится, только войлочную прокладку под защитной алюминиевой чашкой побила моль. Мы тогда фанатели по «Трёх мушкетёрам». Надо ли говорить, что шишечки наконецников мы сразу же обломали и заточили кончики рапир? Оружие из спортивного превратилось в боевое. И вот как-то прекрасным воскресным зимним морозным солнечным днём я сражался со специально сооружённым для этих целей снеговиком прямо напротив окон Аннушки. Старушка, ничего не предчувствуя, беззвучно шевеля губами в такт ритмично впитываемому советскому помпезному вранью передовицы, в очках у окна читала прессу. Варежки мои к тому времени уже изрядно заледенели. И во время отмашки, после нанесённого снеговиком смертельного укола (снеговик был Рошфором, я – Д'Артаньяном), ручка клинка, имевшая пластиковое покрытие, выскользнула из моей руки, и рапира, описав красивую правильную дугу, вонзилась

в стекло наружной рамы окна. Стекло получило удивительно аккуратное отверстие, внутренняя рама не пострадала. Рапира торчала и мерно покачивалась прямо напротив лица старушки. Аннушка медленно перевела взгляд с газеты на окно, очки блеснули мне в глаза нехорошим светом. Весь ужас происшествия я испытал уже во время полёта клинка, за которым, затаив дыхание, я наблюдал как в замедленной съёмке. Аннушка проворно поднялась и направилась к моему отцу на кухню с докладом. Отец нехотя оторвался от сигареты и книги военных мемуаров. Дальше всё было по обычному, безопасному для меня, сценарию. Батя, видимо, помнил хорошо в том числе и своё детство, поэтому никогда долго нравоучениями меня не мучил. Вставил новое стекло, как когда-то в детском саду, как впоследствии и в школе.

Крепкая была бывшая барыня. Не смогла с ней справиться революционная эпоха. И у меня не получилось. Родилась она примерно в 1880 году, и только к концу 70-х 20-го века подруги переправили её из нашей квартиры в дом престарелых, где она и почил в возрасте 98 лет.

Глава 7. Друзья детства

За семь с половиной месяцев до меня на свет появился друг мой Женька. И сразу поселился в доме на Тельмана. Через шесть месяцев после моего рождения в этом же доме обособывается ещё один младенец – друг мой Борька. Более того, они с Женькой были соседями по коммуналке.

Женька при первом нашем знакомстве оказался долговязым кучерявым (из казаков) парнишкой с яйцеобразным черепом, выше меня на полголовы. То ли от того, что встретились мы с ним во дворе, едва начав ходить, то ли вследствие сочетания каких-то врождённых качеств, мы понимали друг друга с полуслова во всех придумках, играх и проделках. Играли в красных и белых, немцев и своих, представляли эпизоды из «Небесного тихохода» и фильмов про индейцев с Гойко Митичем. Всегда при полном взаимопонимании и поддержке друг друга. Командовал в основном я, но Женькиных инициатив и фантазий было предостаточно. Почему-то и доставалось ему от меня больше.

Один раз стекло от разбитой мною лампочки отскочило и раскровило другу ухо. Другой раз стрела с железным наконечником, сорвавшаяся случайно с моего самострела, воткнулась в Женькин подбородок. А как-то уже в старших классах – стыдно теперь вспоминать – я испробовал удар своего кулака на подбородке друга. Дело было так. Меня вызвал на «стрелку» по поводу моего ухаживания за Борькиной одноклассницей один из её потенциальных ухажёров. На такие мероприятия без секундантов не ходили. Было понятно, что без долгих разговоров придётся бить в рыло и, соответственно, получать по морде лица. Я, как человек, всегда предпочитавший и исповедовавший ненасильственные методы разрешения конфликтов, в драке был искушён не вполне. Поэтому откуда-то, может, от волнения, пришла дурацкая мысль отрепетировать первый удар. Женька шёл рядом. Я не сильно, скорее – выверяя технологию, заехал ему в подбородок. Объяснялся и извинялся, как мог, за спонтанную подлую выходку. И друг не обиделся, простил. А впрочем, где-то в подкорке сидела у меня к нему претензия, что не выручил когда-то в неравной драке. Но это, конечно, ничего не меняло. Всегда всё как-то сложно выходит, что на первый взгляд кажется простым.

В сравнении с Женькой я был довольно пухлым малым. И друг мой любовно и по-дружески регулярно пытался прилепить ко мне прозвище «пельмень». Но я сопротивлялся, и оно не прилипало. При таком счастливом взаимопонимании мы имели право в том числе и на ироничное отношение друг к другу и нередко этим правом пользовались.

Некоторое время спустя после нашего с Женькой знакомства во дворе стал появляться и Борька. Поначалу он был ниже меня. Такой крепкий, молчаливый, наблюдательный и осторожный. Ну, вот совсем не такой, как мы. Сначала он к нам присматривался издали, потом постепенно начал подходить поближе. Это его и погубило. Потому что сразу получил от меня в глаз зелёной колючкой репья. И, надо сказать, преудачно, то есть эффективно, хотя и нечаянно. Выбежавшая на крик и шум тётя Шура, Борькина мама, отвела сына в поликлинику, где ему из глаза извлекли крючковатую иголку колючки. Крещение состоялось.

Вопреки ожидаемой реакции Борька стал чаще появляться среди нас. Но стал ещё осторожнее и недоверчивее относиться к нашим забавам. Когда мы с Женькой сгребали в сугроб с пятиметрового склада, Борька ни в какую не соглашался следовать за нами. Только наблюдал снизу, чем это закончится. Может, здесь играла роль наследственность, а, может быть, рефлексия на опасность, которая всегда в лице старшего брата подстерегала его дома. Не знаю, это мои домыслы. Но осторожным и наблюдательным он так и остался на всю жизнь, не считая всевозможных приключений в состоянии подпития, которых у нас в отрочестве было предостаточно. Доверял Борька больше Женьке, чем мне. Не эпизод ли с колючкой сыграл здесь свою роль? На все мои заявления он всегда реагировал одинаково. «Да, Жень?» – обращался

он к Женьке за подтверждением состоятельности моих придумок. Женька не подводил и всегда утвердительно кивал чёрной кучерявой головой. Сказывалось, видимо, ещё и то, что по-соседски Борька испытывал к Женьке более родственные чувства. Это при условии, что я не допускаю возможности каких-либо претензий к качествам собственной личности. А на самом деле – кто его (меня) знает?

Квартиры наши были на первом этаже напротив и представляли из себя симметричные копии. Жителей в коммуналке моих друзей было намного больше. В комнате, соответствующей Аннушкиной, жили Борька, старший брат Юрка и родители – тётя Шура с дядей Петей. В маленькой комнате напротив – Женька с родителями, тётей Любой и дядей Юрой. В большой комнате проживали Женькина бабушка Валя с дочерью Лариской. В ванной обитал Женькин дед Лёня. В связи с этим ванная комната была для других жителей недоступна. Почему-то никто этим положением вещей не возмущался. Народ посещал баню по выходным, а душ, наверное, мог принимать в конце рабочего дня по месту службы. Утром все по очереди умывались в умывальнике на кухне. Нет проблем.

Женькиного деда обиталище было для нас местом постоянных паломничеств. Окон, естественно, там не было. Вернее, окно под потолком между ванной комнатой и туалетом было замуровано. Можно было включать подслеповатую лампочку, но нам и в темноте было хорошо. Нередко, расположившись на топчане, устроенном поверх ванной, мы смотрели мультфильмы по фильмоскопу, направленному на белёную стену. «Приключения Буратино» и всё такое. Запах дешёвого крепкого табака и убогая обстановка дедовой хижины добавляли таинственности сказкам на цветных плёнках. А телевизоров тогда ещё не было.

Плотный мир коммуналок был полон веселья, разборок, сплетен и совместных застолий. Помню, собранные в мягком ковре спорыша, что покрывал весь наш двор, шампиньоны мы отнесли тёте Любе. Она и приготовила нам их на обед. У меня потом болел живот. Остальным – хоть бы «хны».

Квартиры, прямо как в Аннушкиной Финляндии, были открытыми до самой ночи. Мы свободно перемещались из одной в другую, хлопая дверями. Как-то придумали себе страшилку. В деревянный забор детского сада прямо напротив нашего подъезда была вставлена заплата из двух белёных известью досок. В сумерках опускающейся ночи они начинали таинственно светиться под лунным светом, представляясь нам восставшими из гробов мертвецами или длинными клыками Бабы-Яги. И мы, перебегая из одной квартиры в другую, бросали взгляды в сторону детсадовского забора, и в ужас толкаясь, ломались в открытые двери какой-нибудь из квартир.

Мы подрастали. Борькина семья улучшила жилищные условия – получила две комнаты в другой коммуналке, в другом доме, в двух кварталах от нашего. На пятом этаже углового (на пересечении улиц Эйхе и Первомайской) четырёхэтажного монументального дома «сталинской» постройки. На самом углу отдельным павильоном

над крышей была выстроена отдельная квартира. Позже, когда мы опять стали одной компанией, Женька по этому поводу пытался дать Борьке прозвище «карлсон». А пока мы на время потеряли Борьку из вида. Правда, он иногда появлялся в наших местах с чуждой нам хулиганской компанией. Чувствовалось – попал под другое влияние. При таких встречах сразу начинались разборки между «старшими» наших команд. Это была такая игра всерьёз – ребята с разных улиц обязательно враждовали. Это ещё больше разобщило нас с Борькой. Когда оказались вместе в школе, все – в разных по возрасту классах, то, конечно, виделись. Но поговорить было практически не о чем.

И вот в один прекрасный летний день, несколько лет спустя, когда мы из мелкоты превратились в уже подростков, во дворе нашем объявился опять Борька. В клёшах и с переносным маленьким катушечным магнитофоном, кажется, «Романтика», в руках. Магнитофон заливался советской эстрадой. У меня такой игрушки не было. У нас дома была сте-

реофоническая радиола «Минск» на высоких четырёх ногах. Позже я усовершенствовал этот аппарат – соорудил выносные колонки, чтобы увеличить стереобазу, и, в конце концов, разобрал её на запчасти. А пока слушал пластинки Мулермана, Королёва, Ободзинского и Пьехи и треки из индийских фильмов на гибких голубых пластинках из журнала «Кругозор». На этой теме я с Борькой сошёлся заново и навсегда (об этом ниже). А с Женькой мы продолжали играть в войнушку и милицию, засиживались в песочнице, моделируя танковые сражения, по самые старшие классы школы. Ну и втроём, конечно, выпивали, покуривали и резались в карты.

Глава 8. Гитара

В то время, как мы с Борькой начали увлекаться современной модной музыкой, я уже потихоньку интересовался гитарой. Интерес к инструменту пришёл сразу с нескольких сторон. Во-первых, брат мой двоюродный Вовка, сын маминой старшей сестры, будучи тогда уже томским студентом, тренькал всякие студенческие песнюшки типа про Исаакия святого – «Там, где Крюков канал...». И я, пересекаясь с ним в Тайге, с горящими глазами внимал его нехитрому музицированию. Брал в руки его простенькую гитару, пробовал извлекать звуки. Там, в квартире тёти Маруси, меня привлекали только две вещи: охотничье ружьё Прокопа Фомича в чулане и Вовкина гитара на стене над комодом. Ну ещё, если до конца быть честным, и подшивка журнала «Крокодил».

Во-вторых, к нам в подъезд на второй этаж поселился Вадька с мамой. Он был года на три-четыре старше нас. Сначала больно расстрелял нас из самострела на резинке-«лапше» гнутыми из алюминиевой проволоки пулями. А у нас на вооружении тогда были самострелы с прищепками и резинками «от трусов», стрелявших незрелой зелёной ранеткой, и первый бой мы проиграли. Но с этими детскими забавами Вадик скоро завязал и увлёкся музыкой. Дома у него появилась шестиструнная ленинградская «банка», которую он иногда давал мне унести домой на пару часов. Вадик ещё и пробовал петь, чтобы побороть заикание. Как-то болтались по Маяковского. Вадя зашёл в библиотеку, а мы с Женькой пристроились около на лавочке. Через какое-то время он вышел с книжками.

– Что за книжки? – спросил Женька.

– Хорошие ка-ка-к-книжечки, – ответил Вадька.

– Ка-ка-книжечки, – едва успел передразнить его Женька, как тут же перелетел вверх ногами через лавочку, получив в лоб.

Шутя-любя, конечно, приложился Вадька. А Женька долго потом вспоминал со смехом эту мизансцену.

Ещё у Вадика был мопед «Рига-7», с которым мы возились в сарае. А бабки «стучали» нашим родителям, что мы там водку пьём. На этом мопеде мы вдвоём уходили от ментовской погони через дворы и помойки. И во время езды по бездорожью я прилично отбивал себе задницу о бензобак, на котором только и было место для пассажира.

Но вернёмся к музыке. Вадик учился в музыкальной школе игре на баяне. Но почему-то заболел бас-гитарой. Сколотил ансамбль из сверстников. И тогда, наверное, как водится – по остаточному принципу «а кто у нас будет играть на басу?», начал серьёзно самостоятельно осваивать этот инструмент. Сначала арендовал у кого-то полуакустику «Jolana Alexis Super 2», потом, после школы работая на заводе, накопил денег, съездил в Москву и привёз болгарскую «скрипку» «Орфей». Почти как у Маккартни, только тёмно-красную, с чёрным окаймлением дек и обечайки и головкой грифа, загнутой крючком вперёд. Я, конечно, частенько пропадавал у Вадика в комнате, впитывая, как губка, около-музыкальный треп и азы владения инструментом.

И наконец, в-третьих, подтолкнул меня к гитаромании отец. По вечерам он подрабатывал в районном Доме культуры железнодорожников художником-оформителем и вёл детскую изостудию. У него в студии среди прочих дарований пробовал свой потомственный талант и я. Ещё и одноклассников с собой за компанию приводил. Там же, в ДКЖ, руководил эстрадным оркестром двоюродный брат отца дядя Слава. Ещё один двоюродный брат, дядя Боря, играл в оркестре на трубе. Оба были Трофимовичи, дети тёти Люси, старшей сестры моей бабушки Веры. Клуб, то есть дом культуры, был тогда настоящим первомайским «Вавилоном». На первом этаже допоздна функционировал буфет с портвейном и пирожками. Этой нехитрой выпивкой и закуской батя периодически благоухал по вечерам, приходя домой. Клуб с утра до вечера

был наполнен звуками и суетой. Был в нём прекрасный драматический театр под руководством директора Юрия Мелентьева и его супруги Ларисы Анатольевны, в детской студии которой я неудачно пробовал актёрствовать. Сюда же, в ДКЖ, с другом и соседом по парте Мишкой Виноградовым ходили мы недолго в балетную студию. Оказались там вдвоём среди многочисленных девчонок. Постояли несколько занятий у станка с зеркалом в каких-то замысловатых позициях. Потом нас выперли. А зря – мы готовы были терпеть.

Так вот, о гитаре. Как-то зимним звёздным вечером отец с дядей Славой (дядя Боря был приличным семьянином – с ними не квасил) поддали в буфете после своих творческих занятий. Потом добавили в оркестровой комнате. Отец под это хорошее настроение выпросил у брата для меня электро-гитару на пару дней (которые растянулись на пару недель, а то и больше). Я был дома. Отец вошёл. Шапка набекрень, запотевшие с мороза очки, винно-пирожковое амбре, физиономия растянулась в загадочной улыбке и всё такое прочее. Подзывает меня и разворачивает огромный свёрток. Я обомлел.

Тяжёлая, чёрной полировки, с красной, искрящейся «под металлик» блёстками накладкой, «Тоника» перешла ко мне в руки. Форма напоминала гитару Трубадура из «Бременских музыкантов», – ох, уж эти очертания, давно запавшие мне в душу! Два массивных хромированных звукоснимателя, струнная машинка с ручкой-вибратором, ручки громкости и тембра. У меня в руках была советская, но настоящая, серьёзная машина. Включить её было некуда. Да не беда! Она всё равно звучала! Серебристо, отдаваясь в руки вибрациями всего корпуса. Я не выпускал её из рук несколько дней. Ложась спать, любовался ею, пока глаза не слипались, пока не проваливался в сон, восторженный сон, полный грёз.

Это была засада. Я пропал. Потом мама часто выговаривала отцу, мол, сбил мальчишку с пути истинного.

Где-то ещё до Борькиного магнитофона и первых ощупываний разных гитар я переболел начальной стадией мании музицирования. Выпилил из фанеры точную копию гитары бременского трубадура из мультика, натянул струны из резинки-«лапши» и выступал перед младшей сестрой. Из картонных коробок разных размеров соорудил ударную установку. Из листа жести вырезал тарелку. Придумал и сделал педаль для большого барабана. Звука у этой «кухни» не было никакого. Зато был кайф приобщения к невероятно манящему миру музыки! Тема была моею. Я горел.

Это уж не считая того, что сестра моя младшая Татьяна пошла учиться в музыкальную школу на фортепиано. И отец по такому случаю доставил из клуба списанный концертный полноразмерный немецкий рояль «Беккер» на толстенных ногах-балясинах. Этот рояль занял ровно половину нашей большой комнаты. Спать в случае приезда гостей приходилось и на нём, и под ним. Год спустя в клубе случилась ревизия. К нам домой нагрянули дяденьки из ОБХСС (отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности). Рояль вывезли во двор ДКЖ и там предали огню. Увы, списанное государственное имущество подлежало уничтожению. А Татьяна, однако, продолжала учиться. И я вынужден был приобщиться к познанию элементарной нотной грамоты. Сестрёнка любила поспать. Даже при наличии полного отсутствия приготовленных по сольфеджио уроков. Иногда случалось мне заглянуть в её нотную тетрадь и сделать за неё домашнее задание. Потому что будить её было жалко. Незадолго до урока она просыпалась и ещё сонная бежала в музыкальную школу. Позже мне пришлось уговаривать её не бросать музыкалку, приводя в пример себя, как музыканта без образования и всяких дальнейших перспектив, и обещая взять её в ансамбль по окончании ею обучения.

Все эти события так или иначе оказали своё подспудное влияние на формирование моих умонастроений творческой направленности. Я как бы и ждал этих событий, и готовился к ним. И они случились, хвала Всевышнему! Не пошёл я «по стопам» деда и отца. Не стал ни художником, ни архитектором. А пошёл, как казалось матери, по дорожке по кривой, сочиняя и музицируя, где бы я ни находился и чем бы ни занимался.

Глава 9. Школа

Класс у нас был и остаётся дружным. С самого начала и по настоящее время, когда уже почти все мы стали дедушками и бабушками. Первая учительница Клавдия Фёдоровна Чернышова была чрезвычайно строга к нам. Может быть, и это тоже сплотило коллектив. Мы её все даже побаивались. Однажды в первом классе зимой на уроке я описался. Потекло прямо в валенки. Полдня в школе оставлял на полу мокрые следы. А всё потому, что боялся. Только уже решусь поднять руку и попроситься в туалет, она как зыркнет в мою сторону от доски или как прикрикнет на кого-нибудь в классе, – я тут же передумываю и терплю, и боюсь дальше. Так и не решился, так и не дотерпел. А как-то, по дороге в школу, мы с Мишкой Виноградовым толкали в сугробы одноклассниц-подружек Любку и Наташку. Какая-то прохожая бабулька вступилась за девчонок и сделала нам замечание. Нехорошо, мол, мальчики, девочек обижать. Но что нам незнакомая прохожая бабуля? Мы в долгу не остались. «Тише, бабка! Танки близко!» – соригинальничал я. «Тише, бабка! Немцы в огороде!» – поддержал Мишка. Бабуля не нашлась, чем ответить на такие весомые аргументы. Покачала головой и пошла дальше. А в классе девчонки пожаловались Клавдии Фёдоровне на нас, пересказав дословно всю историю. Мы с Мишкой стояли перед учительницей в оцепенении, как обезьяны перед удавом из «Маугли». Мигом растеряв весь боевой дух и прокляв легкомысленные минуты толкотни с девчонками, мы ждали только одного – когда иссякнут молнии из глаз Клавдии Фёдоровны и какие-то, не различаемые нами в тот миг, жёсткие слова перестанут впиваться в мозг.

После третьего класса нас торжественно передали другому классному руководителю – Галине Николаевне Бартош.

Вечерами всем классом гоняли в футбол и хоккей, собирали металлолом и макулатуру. В 4—5 классах переболели шахматами. Играли на переменах сразу в несколько досок. Дрались, конечно, – борьба за лидерство и всё такое. Однажды ко мне на перемене чуть ли не в самый первый день в школе подошла компания во главе с Андреем, лидером в любой заварушке, самым бесстрашным и решительным из нас.

– Пойдём в туалет бить Рудыка!

С Андрюхой мы в школу переместились из детского сада, его я знал хорошо. Никакого Рудыка не знал вообще, – ещё не перезнакомились со всеми в классе. Однако фамилия мне понравилась, и бить его, даже за компанию с давним приятелем, показалось неловким. Но я пошёл, – как-то легко всегда втягивался в криминал. Драки не случилось. Ну, потолкались, сказали друг другу что-то угрожающее два потенциальных лидера, – на том и разошлись. Хуже кончилось для меня согласие на Андрюхино «пошли бить» намного позже, классе в пятом. Бить предполагалось старшего брата нашей одноклассницы. Года на три-четыре он нас был старше, но роста небольшого – с нас. По плану Андрея мы его должны были окружить плотным кольцом и отколотить. Всё по его плану, наверное, должно было удачно получиться. Дело было в старом школьном дворе на хоккейной коробке. Кто-то кому-то мешал играть. Ну, окружили мы его. А парень-то был крепкий, коренастый и уверенный в себе. И в рукавицу, как потом выяснилось, вложил жёсткий тяжёлый кругляш хоккейной взрослого размера шайбы. Кто ею, пущенной щелчком клюшки, получал по мягкому месту или ногам, тот поймёт. И, видимо, я оказался ближайшим у него, правши, слева. А он, видимо, решил бить первым на всякий случай. Ну и с правой вломил мне в пятак шайбой, ловко лежащей в его ладони под варежкой. Очнулся я в школе с разбитыми губами, носом и частичной потерей памяти о последних пяти минутах моей жизни.

Но чаще мы с одноклассниками свою энергию всё-таки расходовали в мирных целях. Все вместе записывались в секцию классической борьбы на стадионе «Локомотив». Все вместе играли в футбол и хоккей на районном первенстве школ и за дворовую команду «Спартак»,

созданную общественным тренером Михаилом Кирилловичем по прозвищу «лысый» в качестве спарринг партнёра (для битья) его любимого детища, команды «Юность». Зимой ездили на «пятак», микрорайон электровозоремонтного завода, что справа от бора, на стадион «Молодость». Там у тренеров по хоккею с шайбой был серьёзный подход к занятиям. Такой серьёзный, что в дни зимних каникул мы каждый год выигрывали районное первенство.

Ну и, конечно, музыка.

Сначала всей гурьбой отправились в организованный в школе ансамбль народных инструментов. Там мы с Мишкой задержались надолго, играли на гусях. Гусли и ноты к ним были оформлены руководителем ансамбля с выдумкой, которая позволяла быстро освоить аппликатуру инструмента. Гусельки наши были размером с шахматную доску. Каждый колок струн одинаковых нот примерно трёх октав был обозначен ярлычком соответствующего цвета, а ноты на нотном стане были написаны соответствующими разноцветными карандашами. В результате ансамбль довольно быстро освоился с методикой и начал слаженно исполнять народные мелодии. Были и гусли размерами побольше, и всякие разнокалиберные балайки, – на них играли старшекласники. Мы гастролировали по детским садам, в которых после выступлений нас кормили блинчиками с вареньем. Всё закончилось с внезапной смертью пожилого нашего руководителя.

Потом была попытка организации духового оркестра, в который мы рванули почти всем классом. Разобрали инструменты, пытались научиться извлекать звуки и постигать аппликатуру. Но дело почему-то не шло и быстро затухло.

Уроки музыки обычно превращались в уроки балдения. Очередной гармонист-учитель появлялся на уроках «под мухой» и с вечно расстёгнутой ширинкой. Мы плевали в друг друга бумажными жёваными пульками через трубочки, песни никак не разучивались. Ближе к старшим классам музыку пришёл преподавать мой двоюродный дядя Владислав Трофимович. Порядка на уроках стало больше, потому что наши девчонки занимались у него в вокальном ансамбле в ДКЖ, и многие из нас уже тянулись к современной музыке. В классе гитарами к тому времени уже баловались несколько человек. Лёшка Субботин, Серёжка Немчинов, ещё один Андрей, ещё один Мишка и я. Я же ещё и донимал Трофимыча просьбами научить меня играть на басу.

Так наступило время, когда разговор об ансамбле в классе оказался неизбежен. Тем более что в школе уже было два-три ВИА разных возрастов. Мода, первые пластинки Битлов, хиппи-настроения пробивались через «железный занавес» из-за «бугра». Опять же Серёжка Немчинов уже играл в ансамбле с ребятами постарше – с командой Андрея Рубцова.

Собрались у меня дома, ведь я был, – в этом, музыкальном, смысле – одним из самых «настоящих буйных». Прикинули, кто и на чём может играть. Лёха Субботин к месту продемонстрировал неспешный стандартный рок-н-ролл под названием «Я еду за дровами». Вопрос аппаратуры почему-то крутился вокруг добычи динамиков (эта тема ещё всплывёт впоследствии в совершенно криминальной истории). Решили ехать искать свалку завода «Электросигнал». На том пока и разошлись. Назавтра поехали искать свалку на Новосибирск-Южный, но не нашли. Но зато надёргали маленьких 1-2-х ваттных динамиков из старых квартирных громкоговорителей, валявшихся в достатке у всех в чуланах и сарайках. Вставили их в хлипкий ящик из трёхслойной фанеры. Мысль насчёт кучи маломощных динамиков, как ни странно, по тем временам была совершенно передовая, реализованная позже зарубежными специалистами и фирмачами. Но исполнение оказалось топорным. Да и включить эту колонку было просто некуда. Переговоры о покупке КИНАПовского усилителя от киноустановки с Вадькиными друзьями-музыкантами закончились ничем. На этом всё в классе и заглохло по этой теме.

Глава 10. «Пилигрим»

А мы с Борькой продолжали разучивать аккорды во дворе на разбитой и чинённой гитарами гитаре, уж и не помню, откуда появившейся у меня в качестве первого личного инструмента.

Однажды своими пробами мы привлекли внимание двух первомайских отъявленных беспредельщиков Кулеша с Макаром, болтавшихся по дворам в поисках выпивки и приключений. Эти были старше нас и способны на всё.

– Здорово, пацаны, – начал с разведки обстановки Куляш, озирая нашу компанию малолеток.

– Здорово, – осторожно промямлил я.

– Чего бренчите?

– Да так, учимся.

– Дай-ка подержать, – уже более миролюбиво попросил Куляш. Макар отмалчивался, но был готов к любой инициативе другана. А вариантов у них было обычно немного – два. Или потрепаться и разойтись, или испросить гитару до завтра и пропасть с нею навсегда.

А если бы мы были постарше и поагрессивней, то количество вариантов размножилось бы с арифметической прогрессией, вплоть до кровавых соплей и выбитых зубов. Я этих отморозов видел несколько раз в деле со стороны.

Первомайка во времена нашего детства, надо сказать, была совсем другой. Интернета не было. В телевизоре – две с половиной программы. Фильм по телевизору показывали не каждый вечер, «Новогодний огонёк» – раз в году, «Ленинский университет миллионов» и «вести с полей» – регулярно и ежедневно. Все развлечения были на улице. И для детей, и для взрослых. За каждым углом выпивали. Запросто можно было получить по морде или кухонный нож под ребро, – смотря, в какой компании окажешься. Вечерами после танцев, по дороге из парка, прямо под моими окнами на улице Тельмана частенько раздавались выкрики и глухие удары чем попало и куда попало. Массовые драки проходили весело и изобретательно.

– Чё такая битая? – видно было, Куляш отказался от реквизиции, и диалог окончательно свернул на дружелюбный сценарий.

– Да нет ничего другого, – поприбеднялся я.

– Пошли тогда с нами, отберём у кого-нибудь нормальную «банку», – это уже было так, для коды.

– Ну, пока! – Куляш вернул мне гитару, хулиганы закурили и, засунув руки в карманы, поплёвывая, подались в более интересные и многообещающие места.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.